

18+

Мария Хлебникова

Собрание ощущений

Мария Хлебникова
Собрание ощущений

«Издательские решения»

Хлебникова М. Л.

Собрание ощущений / М. Л. Хлебникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989486-1

Книга рассказывает о девушке Лике, которая живет по законам гармонии и любви. Судьба очень часто пытается поставить ее на колени, проверить на прочность, но заложенные в ней истинные ценности не дают сбиться с пути. Гармония с самим собой — вот самое главное ощущение, которое мы можем получить от Жизни!

ISBN 978-5-44-989486-1

© Хлебникова М. Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Нянюшка	6
Глава II	12
Влад	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Собрание ощущений

Мария Львовна Хлебникова

© Мария Львовна Хлебникова, 2020

ISBN 978-5-4498-9486-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы все ищем ощущений. Не денег, а ощущения независимости. Не власти, а ощущения своей значимости. Не еды, а ощущения вкуса и сытости. Не автомобиля, а ощущения скорости и ветра в волосах. Мы – ловцы ощущений. И только земная жизнь может их нам подарить. По крайней мере, об этом мы знаем наверняка.

Глава I

Нянюшка

Деревья стояли уютные, причудливые, словно состарившиеся стражники, которые насквозь проткнули небо своими макушками-копьями. Тонкие опавшие листочки замирали под ногами, и в воздухе царила та невыносимая атмосфера прощания, которая бывает только в начале осени. Лика загребала листву ботинками, размышляя о том, что начался обратный отсчет. Меньше чем через год ее отправят в Большой Город.

Великолепие юности тускнеет, когда перед тобой стоит задача задач – поступить. Для Лики это была консерватория.

Когда-то с подачи мамы и благодаря ее безграничному терпению Лика окончила музыкальную школу. Однако, имея абсолютный слух, анатомически идеально сложенную кисть и явные способности к исполнительству, Лика была совершенно равнодушна к профессии музыканта. Постановку пальцев, гаммы и гармонии, читку с листа и утомительную музлитературу иначе как «нудизмом» она не называла. Музыка должна литься сама собой, без потуг, иначе она становится ремесленничеством. Теряет свою «волшебность», рассуждала Лика. Но девочка очень любила маму и хотела, чтобы та ею гордилась. А потому принесла диплом с отличием. Ведь умные дети часто стремятся реализовать родительские мечты.

В школе Лика также училась блестяще. Без ночных посиделок за алгеброй и убийственной зубрежки. Честолюбивая мама, конечно же, и здесь ждала «красного» аттестата...

Родители ушли, так и не встретив Ликино восемнадцатилетие. Папа, летчик-испытатель, большой, добрый и всегда улыбающийся, погиб во время тестирования нового военно-спасательного костюма, не успев катапультироваться из горящей машины. Его останки так и не были найдены.

Мама, без памяти любившая отца и лишённая возможности даже оплакать его тело, из нежной интеллигентной женщины превратилась в полоумную старуху Гудулу. Спустя полгода после смерти мужа она сгорела от рака, словно пораженная ядовитой стрелой. Ее когда-то мягкие каштановые волосы превратились в седые космы, которые влажными патлами падали на лицо. Сухие пальцы то и дело сжимали простыню, переноса туда нестерпимую боль всего тела. Каждый день Лика молча садилась рядом с мамой и только и делала, что монотонно, но в то же время мягко и участливо гладила ее руки и лоб. Не было слышно просьб. Не было даже стонов. Лишь иногда едва шевелились спекшиеся губы: мама молилась.

Слава Богу, все медицинские манипуляции совершали медсестры. Тогда Лика еще не задумывалась, что великая сила денег уберегала ее от страшной и истощающей необходимости быть сиделкой.

Девушка понимала, что скоро ее опять лишат самого дорогого. Отрубят второе крыло. И в память о самых главных в жизни людях останется только черно-лаковое пианино, да огромный, звонко-пустой, на века построенный дом.

«Мама, я знаю, ты слышишь меня, – говорила она про себя, прогуливаясь мимо серого озера с флегматичными утками, – Мне очень тебя не хватает. Твоего мягкого взгляда, ласкового и такого теплого объятия, запаха твоей малиновой шали, которую ты любила накидывать на террасе тихим вечером, твоего певучего голоса. Не хватает твоих прикосновений...».

За неделю до ухода больной стало легче, она даже принялась шутить и взяла с Лики слово, что та непременно будет поступать в консерваторию. Лика не верила своим глазам: мама ожила! Такая вот улыбка смерти.

– Ликуша, солнышко, ты у меня самая лучшая, – мама погладила Лику дрожащей холодной рукой, – Не каждой матери Господь дает такое прекрасное, неземное дитя.

Лица и вправду была очаровательна. Белоснежная кожа с легким оттенком розовой пудры, несколько крапинок-веснушек, разбросанных по переносице, волнистые русые волосы точь-в-точь с тем же медно-золотистым отливом, как у отца; стройная, хрупкая фигурка, в которой угадывалась будущая стать. И глаза. Невероятно пронзительные, голубые, умеющие быть приветливыми, как летнее утро, и холодными, как ноябрьский дождь. В них читалась редкая глубина мысли, которую у современных барышень уже и не встретишь.

– Я знаю, что ты не любишь играть. Но петь-то, петь-то обожаешь! И голос у тебя приятный. Не хочешь поступать на вокальное?

– Мам, да там столько желающих! Я и не пела никогда профессионально.

Мама улыбнулась.

– Через месяц к нам приедет музыкант. Сейчас он зарабатывает тем, что дает частные уроки и готовит к поступлению в консерваторию. Слышала, правда, что он жуткий зануда, зато его ученики показывают блестящие результаты на экзаменах.

– Мамочка! Ну, ты даешь! Где ты его нашла?

– Это все тетя Люда, ей спасибо. Вчера говорили с ней по телефону, она спрашивала про тебя. И как раз предложила этого человека в учителя, чтобы ты гарантированно поступила.

У Лику внутри все перевернулось. Тетя Люда. Люсинда. Та еще скотина. Кандидатуру она нашла! Всю жизнь ненавидела маму за ее счастье. За помощь, которую мать постоянно оказывала ее бестолковой семье. При редких встречах Люсинда делала умильное лицо, изображающее безграничную любовь и преданность, только сталь в глазах выдавала ее с потрохами. А теперь эта падальщица понимает, что маме осталось немного. И роскошный дом, построенный «от и до» ликуным папой, надо как-то прибирать к рукам. Но Лица портит весь пейзаж. Поэтому надо приложить максимум усилий, чтобы сплавить ее лет на пять. А после она и сама возвращаться не захочет...

Она обняла маму так крепко, как делала это когда-то давным-давно, в безоблачном детстве, в минуты особой радости или, наоборот, больших детских переживаний. Лица нутром почувствовала, что эти объятия – последние.

– Опять мутит. Температура что ли... Дочь, иди пока...

Флегматичные утки поплыли в обратную сторону. Лику затрясло от холода и слез. И беспомощности.

Но вот кто-то нежно и заботливо погладил её по волосам теплой ладонью. Из рюкзака высунулась маленькая мохнатая голова, источавшая потрясающий аромат.

– Нянюшка, ты опять взяла мою туалетную воду?! – улыбнулась Лица.

От слез она становилась жалкой. Как, впрочем, и все девушки. Только в модном журнале можно увидеть слезу, проторившую идеально ровную дорожку на идеально ровной щеке, и при этом лицо плачущей сияет как после органической маски с каким-нибудь «маслом ши». В жизни все иначе: опухшие нос и губы, красные пятна по всему лбу, черные разводы под глазами.

– Ты еще и губки накрасила? – тут Лица уже не могла сдержаться и расхохоталась. Нянюшка вылезла из рюкзака и сделала «уточку».

Она жила в старинном сундуке на мансарде, куда в полдень проникали пыльные лучи солнца, под прессом старой оконной рамы преобразуясь в удлинённые прямоугольники. Наверное, лет триста назад в таком сундуке могли бы храниться тончайшие шелковые платки и рас-

шитые бусинами сарафаны. Сейчас там были свалены отцовские инструменты. И, поскольку ими давно не пользовались, могло показаться, что они слиплись. Нянюшка ловко открывала сундук своей маленькой мохнатой ручкой и выходила на свет.

Лику её подарил папа. Привез из очередной азиатской командировки. Ему продали Нянюшку как местного диковинного зверька.

– Честно говоря, Лик, некоторые люди больше смахивают на зверьков, чем она, – пошутил как-то отец.

После потери родителей Нянюшка стала для Лики кем-то вроде мамы, отца, бабушки, няни и лучшего друга в одном лице. Лику могла говорить с ней часами. И уже научилась по движению смешных рыжих бровей понимать, какие чувства и мысли таятся в этой маленькой, но очень умной голове.

Нянюшка имела причудливый вид. Размером она была не больше стандартной пластмассовой куклы. В косыночке, всегда удивительно отутюженной льняной рубашке и золоченых тряпичных башмаках. Тело Нянюшки было покрыто шерсткой. Эдакий наряженный зверек.

– Много тысячелетий назад я была Валькирией, – поведала она однажды заговорщицеским шепотом.

– Тун-тудун-тудун-тудун-тудун-тудун-тудун-тун, – запела Лику, подражая знаменитой вагнеровской теме, – И что же случилось? Тебя разжаловали? – Лику улыбалась во весь рот, – Нянюшка, какая же ты смешная! Ты думаешь, я поверю в твои рассказы о крылатых тетеньках?

Нянюшка обиделась и спряталась за гардинами. Подбежав, чтобы обнять и извиниться, Лику с глубочайшим удивлением обнаружила на ее спине два рубцевидных бугорка, так похожих на обрубки крыльев.

Лику любила выходить в сад и, держа Нянюшку на руках, гулять в прохладных объятиях уходящего дня. В наушниках почти всегда звучал Лист. Постепенно лепестки цветов все больше и больше подсвечивались Луной, приобретая сиреневатый оттенок. Казалось, они – музыканты какого-то великого оркестра, который слаженно и гармонично исполняет зеленую симфонию. Лику стояла под Луной, получая подпитку от загадочной планеты с женским лицом. И заряжала жемчуг. Так ее научила мама.

Мама видела в своем ребенке драгоценный подарок Бога. Конечно, Нянюшка никоим образом не могла заменить ее, потому что заменить маму в принципе невозможно, а такую, как у нашей героини, тем более. Мама часто обнимала дочь, тихонько спрашивала о сокровенном, поясняла, давала пищу для размышлений. Она никогда не кричала и не отчитывала, а относилась к дочке как к равной, считала безусловной ее юную мудрость. Нередко во время таких посиделок Нянюшка дремала у Лики на коленях. Никто, кроме ее юной хозяйки, и не подозревал, что Нянюшка умеет говорить.

Девочка была до краев напитана маминой нежностью, которая со временем трансформировалась в женскую силу.

Когда Лику слышала от одноклассниц про то, как матери (заметьте, с виду вполне себе адекватные!) давят на них, унижают, стремятся влезть в их душу и наследить там, рассказывают подругам о дочерних тайнах, называют никчемными, не видят в них чуда; как девочки в ответ скрывают свои мечты и мысли, «застегиваются на все пуговицы», торопясь замуж не потому, что этого очень просит сердце, а потому, что надо «сваливать» от невыносимой матери куда угодно, – ее удивлению не было предела. Практически ни у одной из подружек не было тонкой связи с матерью, когда атмосфера полного доверия царит в каждом моменте. Да что там, и «толстой» связи тоже не было.

– Главное – это принятие. Принять свое дитя, любить его косым, бестолковым, ленивым. И одаривать его своим теплом, возвращая самые лучшие качества. Ведь мать – это садовник, – делилась как-то Ликина мама со своей соседкой.

Наверное, поэтому Лика выросла уверенной в своей силе – как человеческой, так и женской. Мама знакомила ее с лучшими произведениями музыки и литературы, вечерами они часами могли разглядывать репродукции, старые альбомы или просто говорить обо всем подряд. Мама сама шила Лике платья, стараясь учесть настроение дочери, подобрать цветовую гамму, фасон и декор. Мама всегда была рядом и в то же время никогда не напрягала собой. Она была слишком целостной, у нее было много интересов, она не навязывалась и не требовала к своей персоне повышенного внимания. Любила уединение и музицирование на открытой веранде. Лика благоговела перед ней, была предана до самой последней клеточки! Девочку родили для счастья. А потому у нее не было иных сценариев воспитания собственных детей. Но об этом позже.

Лика не понимала, как Нянюшка может жить в пыльном, темном, старом сундуке. И все время предлагала переселиться к ней в комнату. Но Нянюшка лишь улыбалась в ответ.

Однажды, во время очередного длинного разговора по душам (о, Боже, как же нам всем не хватает такой Нянюшки, с которой можно быть самим собой, периодически опустошая содержимое души и взбудораженного мозга!), она взяла за руку измотанную материнским недугом Лику и, открыв крышку сундука, предложила «войти». Лика понимала, что это безумие, и поломать ноги или, по крайней мере, измазаться, станет самым вероятным итогом этой затеи. Но сопротивляться не стала. Удивительно, но, несмотря на высокий рост, ей даже не пришлось наклоняться. Она ступила в сундук, ощутив невообразимый уют и легкость. А вместо засаленных молоточных рукояток и ржавых паяльников она увидела то, «после чего жизнь уже никогда не будет прежней».

...Она чувствовала себя Маленьким Принцем. Звезды висели, как огромные елочные шары на тонких хрустальных нитях, и их тонкое звучание наполняло тело блаженными вибрациями.

– Посмотри, моя милая. Это – Вселенная. И ты – ее часть. Запомни все, что ты видишь, – большое, великолепное, неизведанное. То, что дало нам жизнь. То, кому мы эту жизнь должны будем возвернуть.

– Моментом в море, – Лика как-то не к месту иронизировала.

– Да. Всегда помни о смерти. О том, что она не там, за десятилетиями, а рядом. Дышит тебе в затылок, завивает твои локоны. Мчится в новеньком автомобиле рядом с самоуверенным водителем. Раскачивает сосульки на промерзших козырьках. Смешивает пласты холодной и теплой воды в, казалось бы, тихой реке, чтобы сковать твои ноги. Это будет постоянно подстегивать тебя: вовремя вспоминать о главном.

– А что главное, Нянюшка?

Шары-звезды рассыпались и упали под ноги нежным белым песком. Повсюду от теплого весеннего ветра стелились лимонно-желтые тюльпаны. Все вокруг было усыпано этими хрупкими, удивительными цветами.

– Главное – это ты. С твоими мечтами, желаниями. И веснушками.

– Но в школе нам всегда говорили, что это эгоизм.

– Эгоизм – это когда ничего, кроме тебя. А когда главное – ты, это просто верная иерархия.

– Сейчас у меня только одна цель – поступить в консерваторию. И то лишь потому, что мама этого очень хотела. А сама я и не знаю, чего желать.

– Эти желания придут сами, и будут соответствовать твоему душевному развитию. Чем шире твоя душа, тем изысканнее и волшебнее будут твои желания.

Наблюдая за Вселенским Порядком, Лика увидела, как небольшие, робкие сгустки света слетаются к одному огромному светилу, похожему на Солнце. Только холодному.

– Что это?

– Это то, что вы называете душами. Людей, ушедших из жизни.

Маленькие бело-золотистые сгустки слетались к «Солнцу», увеличивая его в размерах и делая еще ярче. Создавалось мощное, ослепительное энергетическое поле. Но каждый элемент в нем жил своей жизнью. «Солнце» было словно собрано из россыпи космической мозаики.

– Это Планета Белых Душ. Они освещают Вселенную, без них была бы только темнота. Бархатная, завораживающая, но – темнота. Словно миллионы мотыльков, души сливаются воедино, безошибочно определяя «своих».

Внизу разрывался дверной звонок. Лица и Нянюшка спешно вылезли из сундука. У порога нетерпеливо топталась Люсинда.

Лица шла по улице, то и дело натываясь на смачные плевки. Даже здесь, за городом, люди не ценили мир, в котором живут. Они все мечтали об удивительных местах, лазурных берегах и тропическом многоцветии, загаживая тот скромный участок планеты, который им выделила Судьба. Ты вычисти свое пространство, пусть мизерное, но так, чтобы оно сияло. Неужто нет потребности перенести вселенский порядок в свой микрокосм?

Домой идти совсем не хотелось. Со дня маминых похорон там прочно обосновалась тетя Люда вместе со своим сыном Федором. Этот «пятнадцатилетний капитан» вел себя как полноправный хозяин, целыми днями протирая своими плохо стиранными штанами отцовское кресло в гостиной. Он все пытался уколоть Лику, самоутвердившись за счет ее боли.

– Ты, Анжелина Джоли! Назвали же тебя маманя с папаней...

– Закрой, пожалуйста, рот. Пахнет дурно.

– Ну да, ты же у нас вся такая аристократичная, и рот у тебя не воняет! Нас, колхозников, и замечать не хочешь! И принимаешь нас не больно!

– Я и не собираюсь вас принимать. Я вас сюда не звала. Вы со своей приткой мамашей надеетесь вытолкать меня из моего же дома. Который строил мой отец. Я не взываю к твоей совести – это бесполезно. Просто не подходи ко мне.

Федор улыбнулся своими кривыми, уже погложенными кариесом зубами, демонстративно открыл пачку с чипсами прямо над маминым любимым ковром, намусорил и ушел. Вы спрашивали, когда в голове у интеллигентной девушки всплывает самый отборный мат? Да, именно в такие минуты.

Лица уже сама считала месяцы до отъезда.

– Простите, а как мне пройти к дому Соколовых?

Перед Лицей возник высокий, смуглый мужчина лет сорока. Серый плащ, белоснежный воротничок, видневшийся из-под него, и скромный, но аккуратный портфель так и кричали ей: «Не-от-ми-ра-се-го!».

«Все ясно. Мой учитель. И коварный искуситель. И сердец лихой пронзитель...»

– Соколова – это я.

– О! Здорово! Приятно познакомиться! Вержинский Владислав Константинович. Ваша тетя, Людмила Анатольевна...

– Давайте не будем упоминать ее всеу.

Учитель улыбнулся. Еще не успел дойти до дома своей ученицы, а она уже показала зубки.

– Не будем, – заключил он.

Они пошли рядом, едва касаясь друг друга. Ее горчичное пальто иногда соприкасалось с его унылым плащом.

– Лица... Какое имя интересное. Поэтичное. А полное как?

– Анжелика. Соколова Анжелика Александровна.

- Ааааа! Была у меня сокурсница Анжелика. Мы ее звали Анжела.
- Не люблю, когда меня так называют. Есть в этом что-то обидное.
- Почему? – удивился Владислав Константинович.
- Ну, помните лошадь Анжелу из мультика? «Анже-ее-ла!».

Им стало весело. Они смеялись так звонко, что птицы, шокированные и возмущенные нарушением блаженной тишины, взметнулись за самую высокую ветку.

Глава II

Влад

– Анжелка, конечно, бестолочь. Но такая, музыкальная бестолочь. Все ходит по дому, подвывает что-то. Я думаю, у вас получится натаскать ее к экзаменам.

– Людмила Анатольевна, я уже успел познакомиться с Анжеликой. И она совсем не производит впечатления...

– Мне вообще не важно, какое впечатление она производит. Ваша задача – сделать все, чтобы она поступила и уехала отсюда. Денег я дам много.

«Это не женщина, – подумал Владислав Константинович, – Это машина по ковке материальных ценностей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.